

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ОБЩЕНИЯ

А.С. Нилогов

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ АНТИЯЗЫКА?

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о необходимости обоснования такого нового раздела философии, как философия антиязыка. В ней поднимается проблема существования антиязыка как особой семиотической реальности, на поверхности которой существуют все естественные человеческие языки, номинируя только то в бытии, что поддаётся означаемо-означающему именованию. За пределами естественных человеческих языков – область непоименованного и неизменного, составляющая содержание и методологию антиязыка. Антиязык понимается автором в качестве совокупности классов антислов, позволяющих номинировать различные сферы досемиотического.

В статье используется метод анализа, синтеза, эвристические приёмы, метод словообразования. Проблематизация онтологического статуса слов, принимая во внимание действие принципа «изначального опоздания» в традиции метафизики присутствия / отсутствия, ставится главной задачей для решения в рамках антиязыковой методологии.

В статье заявлена новая философская дисциплина – философия антиязыка, предметом которой является изучение оснований и пределов семиотической номинации на естественном человеческом языке и зависимости познавательного процесса от антиязыка. Несмотря на существование близкой к философии антиязыка – философии языка, автор считает, что в рамках последней невозможно решить весь комплекс номинативно-сигнификативных проблем, которые характерны как для актуальных философских задач, так и для насущных лингвистических затруднений. На примере трёх классов антислов (нумерологизмы, праформологизмы, генеалогизмы) показана сигнификативная неадекватность языка (в частности, русского языка) для работы с соответствующими референтами.

Ключевые слова: философия языка, философия антиязыка, антиязык, антислово, класс антислов, Деррида, принцип "изначального опоздания", Декомб, праформологизм, генеалогизм.

Abstract. This article examines the question on the need of substantiation of such new section in philosophy as the philosophy of anti-language. This rises a problem of anti-language existence as a semiotic reality, on the surface of which there are natural human languages, nominating within the being only what is subjected to the signifying titling. Outside of the natural human languages is the area of unnamed and unnamable, which comprises the concept and methodology of the anti-language. The author interprets the anti-language as a combination of classes of anti-words, which allow nominating various spheres of presemiotic. Problematization of the ontological status of the words, taking into account the action of the principle "initial delay" within the metaphysical tradition of presence/absence, is the main task for the solution of the anti-language methodology. The article claims the new philosophical discipline – the philosophy of anti-language, the subject of which became the studying of the foundations and limits of the semiotic nomination on the natural human language and dependencies of the cognitive process of the anti-language. On the example of the three types of anti-words, the author demonstrates the significative inappropriateness of a language (in particular, Russian languages) for the purpose of working with the corresponding referents.

Key words: Language philosophy, Anti-language philosophy, Anti-language, Anti-word, Type of anti-words, Derrida, Principle of "initial delay", Descombes, Inappropriateness, Genealogism.

Для того чтобы обосновать такую философскую дисциплину, как философия антиязыка, рассмотрим то содержание имеющейся философии языка, которое, на наш взгляд, не удовлетворяет современному уровню философской проблематики. И ниже приведём

первоисточниковые, словарные и энциклопедические определения «философии языка»:

«Важно различать философию языка и лингвистическую философию. Лингвистическая философия складывается из попыток решить философские проблемы путём анализа значений слов естествен-

ных языков и логических отношений между словами. Такой анализ можно использовать при обсуждении традиционных вопросов философии, например проблем детерминизма, скептицизма или каузации, впрочем, можно, специально не обращаясь к традиционным философским проблемам, изучать понятия как отдельные и интересные объекты исследования, как способ проникнуть в мир, строя классификации и проводя отождествления и различения в языке, которым мы пользуемся для характеристики и описания мира. Философия языка складывается из попыток проанализировать самые общие языковые единицы и отношения, такие как значение, референция, истина, верификация, речевой акт или логическая необходимость.

Если «философия языка» – это название объекта изучения, заголовок темы внутри философии, то «лингвистическая философия» – это, в первую очередь, название философского метода. Однако метод и объект очень тесно связаны. Философия языка и лингвистическая философия связаны тесно не только потому, что к некоторым проблемам философии языка можно с успехом подойти, применяя методы и приёмы лингвистической философии (речь идёт, например, о таких проблемах, как природа истины, которую, по крайней мере частично, можно представлять как серию вопросов, относящихся к анализу понятия «истинный»), но и потому – а это гораздо важнее, – что методы, которыми пользуются лингвистические философы в своих исследованиях языка, в очень сильной степени зависят от их философских взглядов на язык, то есть от их философии языка¹.

«ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА (Philosophy of Language, Sprachphilosophie). В отличие от классической философии, в которой язык понимался обычно как то, в чём воплощается чистое мышление, а потому не составлял особой философской проблемы, для самых разных направлений философии XX в. характерен «лингвистический поворот». Язык предстал неотделимым от человеческого сознания, опыта и знания, он вышел в центр философского анализа, превратился в инструмент решения многих философских проблем. Под общее имя «Ф.я.» попадает большое и часто связанное между собой лишь номинально семейство различных теорий и учений о происхождении, природе и функциях языка, которые появились в XX в.»².

¹ Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Сёрл. Пер. с англ. М., 2004. С. 6.

² Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и отв. ред.: В.С. Малахов, В.П. Филатов. М., 2000. 544 с. С. 446.

«Философия языка – англ. philosophy of language; нем. Sprachphilosophie. Понимание языка, при котором философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка, в свою очередь, – для решения некоторых философских проблем»³.

«Philosophy of language is concerned with four central problems: the nature of meaning, language use, language cognition, and the relationship between language and reality. For continental philosophers, however, the philosophy of language tends to be dealt with, not as a separate topic, but as a part of logic»⁴.

«Philosophy of language, philosophical investigation of the nature of language; the relations between language, language users, and the world; and the concepts with which language is described and analyzed, both in everyday speech and in scientific linguistic studies. <...> Simon W. Blackburn»⁵.

«ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА – исследовательская область философии, в которой не просто анализируется взаимосвязь мышления и языка, а выявляется конституирующая роль языка, слова и речи в различных формах дискурса, в познании и в структурах сознания и знания. Термин «философия языка» был предложен П.И. Житецким (1900), А. Марта (A. Marty, 1910), К. Фослером (K. Vossler, 1925), О. Функе (O. Funke, 1928), М.М. Бахтиным и В.Н. Волошиновым (1929). <...> А.П. Огурцов»⁶.

«ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА (В Индии) – идеи индийских мыслителей о природе языка (его структуре, функциях и происхождении) и семантические теории (о соотношении языка и значения, о лингвистической единице смысла и т.п.). <...> В.Г. Лысенко»⁷.

«Философия языка – исследовательская область философии, выявляющая основополагающую роль языка и речи в познании и структурах сознания и знания.

Философия языка – одно из центральных направлений исследований в современной западной

³ URL: <http://vslovar.ru/slovo/filosofija-jazyka>.

⁴ URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Philosophy_of_language.

⁵ URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/754957/philosophy-of-language>.

⁶ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4 / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В.С. Стёпин (пред. совета) и др. М., 2010. С. 238.

⁷ Там же. С. 240.

философии, в центре внимания которого представление о языке как ключе к пониманию мышления и знания»⁸.

Также укажем синонимичные «философии языка» направления в лингвистике и философии:

«ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (философия «обыденного языка») – философское направление, поставившее своей основной задачей анализ естественного языка строгими методами. Анализ предпринимался с целью определения философски значимых концептов (таких, как «добро», «зло», «долг», «знание», «значение» и др.), опираясь на контексты употребления соответствующих слов в обыденной речи. Другая цель анализа – выявление особой «логики» (правил, регламентов и конвенций) функционирования языка в условиях повседневной коммуникации. Первый круг задач выполнялся концептуальным анализом, второй – логическим анализом речевых актов. <...> Н.Д. Арутюнова»⁹.

«ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ – проблемы, касающиеся наиболее общих, конститутивных свойств самого языка, проявления в языке (и в процессе его изучения) предельно общих свойств (черт) объективного мира, общих закономерностей развития природы, общества и познания, а также лингвистические проблемы, так или иначе связанные с решением основного вопроса философии. Это проблемы природы и сущности языка (прежде всего – его социальной природы), отношения языка и мышления, языка и общества, системы и структуры в языке, его знакового характера, языкового значения, происхождения, эволюции и истории языка, идиоэтнического и универсального в языке, возникновения и развития философии языка и др.

Ф. п. я. могут быть подразделены на 2 цикла: 1) проблемы онтологии языка; 2) проблемы принципов исследования языка, базирующихся на тех или иных теоретико-познавательных установках, – методологические проблемы языкознания. <...> П.В. Чесноков»¹⁰.

Основополагающими понятиями «философии антиязыка» являются следующие: антиязык, ан-

тисловое, класс антислов, принцип «изначального опоздания», принцип «изначального опережения», аутентичная номинация и др.

Введём фундаментальный принцип, являющийся осевым в проблеме противопоставления философии языка – философии антиязыка. Речь идёт о так называемом принципе «изначального опоздания», который терминологически был сформулирован французским философом Винсентом Декомбом в книге «Современная французская философия». Понятие «изначального опоздания» вводится В. Декомбом применительно к философии французского философа-деконструктивиста Жака Деррида, который, развивая континентальную традицию европейской философии (наряду с М. Хайдеггером), ещё больше усугубляет метафизику присутствия / отсутствия. Цитируем соответствующий отрывок из В. Декомба, в котором он продолжает ассоциативный ряд по поводу истолкования такого центрального дерридеанского неологизма, как «различание» («differance»): «Вторичное есть не просто то, что приходит на смену первичному в качестве некоего запоздания, – оно есть то, что позволяет первичному быть первичным. Так, первому не удаётся быть действительно первым только благодаря собственным усилиям, собственным средствам: в этом ему помогает вторичное всей силой своего запоздания. Первое является первым только при содействии второго. «Во-вторых», следовательно, обладает своего рода первичностью по отношению к «во-первых»: с самого начала оно присутствует как предварительное условие первичности «во-первых» (не будучи при этом, естественно, самым изначальным «во-первых» [*речь о вторичном.* – Прим. А.Н.]: из этого следует, что «во-первых» на самом деле является «в-третьих»)»¹¹. За этой замысловатой цитатой скрывается вся подноготная современной философии и её центрального раздела – онтологии, которая как учение о сущем уже не может претендовать на дескрипцию сущего, а метафизика – на дескрипцию бытия (в хайдеггеровском различении бытия (онтологического) и сущего (онтического)), потому что фундаментальность принципа «изначального опоздания» постулирована самой **семиотичностью** – знаковой природой человеческого познавательного процесса.

И далее: «В ещё более общем плане настоящее является настоящим лишь при условии, что оно соотносится с отсутствующим, дабы стать отличным от него (отличным от отсутствующего,

⁸ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D4%E8%EB%EE%F1%E%F4%E8%FF_%FF%E7%FB%EA%E0.

⁹ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 269–270.

¹⁰ Там же. С. 545.

¹¹ Декомб В. Современная французская философия: сб. / Пер. с фр. М., 2000. С. 140.

которое есть прошлое или будущее). По Деррида, метафизика могла бы быть жестом стирания этой отличающей метки, этого следа отсутствующего, следа, благодаря которому настоящее есть настоящее. В таком случае можно заметить следующее: след обычно означает наличествующий знак отсутствующей вещи, знак, оставленный этим отсутствующим после его перемещения туда, где оно наличествовало; но если всякое наличествующее несёт след отсутствующего, его ограничивающего (и в этом смысле его конституирующего, продуцирующего, придающего ему бытие, каковым это наличествующее является), то тогда следует парадоксальным образом помыслить “изначальный след”, то есть *наличествующий след* прошлого, никогда не имевшего места: “абсолютного прошлого”¹²,¹³.

Всё вышесказанное можно резюмировать такими словами: «Репрезентация никогда не может быть элементом настоящего, она лишь следует жизни мира и потому всегда запаздывает по отношению к ней. Выпадение из настоящего времени не позволяет знаку обслуживать, фиксировать, репрезентировать присутствие человека при жизни мира. Существование знака лишается смысла, а знак, в свою очередь, лишается и своего реального существования»¹⁴.

С этих пор (а по сути – изначально, то есть в соответствии с самим принципом «изначального опоздания») проблема именованности вещей их собственными именами пронизывает всю историю философии (понятие аутентичной номинации). Крупнейшими философами XX века – М. Хайдеггером и Ж. Деррида – было показано, что бытие невыразимо в естественном языке, вернее, выразимо лишь сущее, которое искажает бытие вещей, а следовательно, мы никогда не имеем дело с подлинным. Проблема соотношения бытия и небытия (присутствия и отсутствия) разрывает философию на две противоположные практики забвения – бытия, с одной стороны, и небытия – с другой. Решением названных фундаментальных проблем философии и лингвистики является проект философии антиязыка – такой новой дескриптивной дисциплины, в рамках которой разрабатываются

специальные методы усмотрения невоязыковляемых сущностей, а также наиболее эффективные способы номинации вещей (референтов).

Несмотря на то, что М. Хайдеггер высказывается о языке как о доме бытия¹⁵, тем не менее, вопрошание об онтологическом статусе подручных языковых единиц (и о языке в целом, в том числе о «языке бытия») остаётся отнюдь не риторическим: «В конце концов философское исследование должно решиться спросить, какой способ бытия вообще присущ языку. Есть ли он внутримирно подручное средство или имеет бытийный образ присутствия либо ни то ни другое? Какого рода бытие языка, если он может быть «мёртвым»? Что значит онтологически, что язык растёт и распадается? У нас есть наука о языке, а бытие сущего, которое она имеет темой, туманно; даже горизонт для исследующего вопроса о нём загорожен. Случайно ли, что значения ближайшим образом и большей частью «мирны», размечены значимостью мира, да даже часто по преимуществу «пространственны», или это «эмпирическое обстоятельство» экзистенциально-онтологически необходимо, и почему? Философскому исследованию придётся отказаться от «философии языка», чтобы спрашивать о «самих вещах», и оно должно привести себя в состояние концептуально прояснённой проблематики»¹⁶.

Философия антиязыка посвящена новому разделу философии, который во многом наследует, но в большей степени критикует, такую философскую дисциплину, как философия языка. В начале XXI в. методы философии языка оказались недостаточными для решения фундаментальных проблем современной философии.

¹⁵ М. Хайдеггер: «Мы далеко ещё не продумываем существо деятельности с достаточной определённой. Люди видят в деятельности просто действительность того или иного действия. Его действительность оценивается по его результату. Но существо деятельности в осуществлении. Осуществить значит: развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, *producere* – про-из-вести. Поэтому осуществимо, собственно, только то, что уже есть. Но что прежде всего “есть”, так это бытие. Мыслью о-существляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не создаёт и не разрабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. Отношение это состоит в том, что мысль даёт бытию слово. Язык есть дом бытия» (Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления* / Сост., пер. с нем. и комм. В.В. Библихина. М., 1993. С. 192). «Человек не только живое существо, обладающее среди прочих своих способностей также и языком. Язык есть дом бытия, живя в котором, человек экзистирует, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей» (Там же. С. 203).

¹⁶ Хайдеггер М. *Бытие и время* / Пер. с нем. В.В. Библихина. Харьков, 2003. С. 193–194.

¹² Derrida J. *De la grammatologie*. P. 97 (см. также: Freud et la scène de l'écriture // *Écriture et différence*. P. 293 et sq; мы обнаруживаем здесь «изначальное прошлое» Мерло-Понти).

¹³ Декомб В. *Современная французская философия: сб.* / Пер. с фр. М., 2000. С. 143.

¹⁴ Гурко Е.Н. *Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскрипtum), Как избежать разговора: денегации.* Минск, 2001. С. 77.

Поскольку философия есть область проблематизации незнаемого, постольку она нуждается в новой лингвистической методологии, а именно – антиязыковой. Перед нами – крупномасштабная опись тех вещей, которые оказались безымянными в языке, но жаждут быть поименованными хотя бы в лексиконе антиязыка. Философия антиязыка провозглашает ревизию всей истории философии с позиции поименованное / непоименованное, а, будучи новым философским методом, готово сыграть свою революционную роль в открытии антиязыков для всех общих и частных наук.

Выявление собственно антиязыковых и не собственно антиязыковых дискурсивных практик. В первом случае понимается поиск таких классов (анти)слов, которые невыразимы в естественном языке. Во втором случае – критика существующих способов коммуникации и сигнификации.

Антиязык в узком смысле (анти)слова – это совокупность классов антислов, номинирующих референты, которые нельзя поименовать с помощью естественного языка. Антиязык можно сравнить с подводной частью айсберга, являющейся условием существования его надводной части – наличного языка, – причём под подводной частью мы понимаем в том числе и идеальную комбинаторность языка быть именно практически бесконечным инструментом создания языковых единиц, хотя обычно под языковой комбинаторикой понимается лишь механическое умножение сущностей – статистическим увеличением количества высказываний, что может быть признано весьма спорным, учитывая принципы «произвольности языкового знака» и «двойного членения».

Приведём конкретные примеры антиязыковой номинации вещей (с указанием соответствующих классов антислов), которые не укладываются в сигнификативные возможности естественного языка (на примере современного русского языка).

В первом примере разберём такое понимание антислова, которое предполагает пограничный статус в антиязыке и языке, частично выражаемый с помощью обычных слов, но в большей степени – посредством антислов.

Нумерологизмы – это антислова (и соответствующий класс антислов), обозначающие названия (для) больших чисел. В качестве нумерологизмов названия больших чисел пребывают до своего языкового воплощения, причём речь идёт не только о номинации чисел, например, в соответствии с так называемой краткой шкалой, где новое название для числа образуется после прибавления к степени

ещё 3 нулей¹⁷ (которые с морфологической точки зрения в русском языке являются числительными, склоняющимися по падежам и числам), но и о назывном (словесном) перечислении всех чисел в диапазоне между такими степенями, которые с морфологической точки зрения в русском языке являются составными определённо-количественными числительными, склоняющимися по падежам.

Например: число 12345678901234567890123456789012345678901234567899678 в словесном виде будет записано таким образом: один трдециллион двести тридцать четыре додециллиона пятьсот шестьдесят семь ундециллионов восемьсот девяносто дециллионов сто двадцать три нониллиона четыреста пятьдесят шесть октиллионов семьсот восемьдесят девять септиллионов двенадцать секстиллионов триста сорок пять квинтиллионов шестьсот семьдесят восемь квадриллионов девятьсот один триллион двести тридцать четыре миллиарда пятьсот шестьдесят семь миллионов восемьсот девяносто девять тысяч шестьсот семьдесят восемь. В родительном падеже так: одного трдециллиона двухсот тридцати четырёх додециллионов пятисот шестидесяти семи ундециллионов восьмисот девяноста дециллионов ста двадцати трёх нониллионов четырёхсот пятидесяти шести октиллионов семисот восьмидесяти девяти септиллионов двенадцати секстиллионов трёхсот сорока пяти квинтиллионов шестисот семидесяти восьми квадриллионов девятисот одного триллиона двухсот тридцати четырёх миллиардов пятисот шестидесяти семи миллионов восьмисот девяноста девяти тысяч шестисот семидесяти восьми. А в дательном падеже так: одному трдециллиону двумстам тридцати четырёх додециллионам пятистам шестидесяти семи ундециллионам восьмистам девяноста дециллионам ста двадцати трём нониллионам четырёхстам пятидесяти шести октиллионам семистам восьмидесяти девяти септиллионам двенадцати секстиллионам трёмстам сорока пяти квинтиллионам шестистам семидесяти восьми квадриллионам девятистам одному триллиону двумстам тридцати четырёх миллиардам пятистам шестидесяти семи миллионам восьмистам девяноста девяти тысячам шестистам семидесяти восьми. Ранее эти три названия числа являлись антисловами – нумерологизмами, а более конкретно – антисловоформами (антисловами в той или иной грамматической форме).

¹⁷ Формула образования больших числительных такова: количество нулей в числе, записанном по краткой шкале, определяется по формуле $3 \cdot x + 3$ (где x – латинское числительное).

Ещё одна проблема связана с именованием трансцендентных чисел, у которых после целой части (после запятой) плетётся бесконечная вереница дробных знаков, поэтому в философии антиязыка названия таких чисел также представляют собой антислова (подкласс антислов) – **трансцендентные нумерологизмы** (так как невозможно целиком в силу трансцендентной природы (*а также даже предельно остаточно*) словесно и цифрово выразить, например, число пи или числом е, потому что всегда приходится иметь дело с компромиссным вариантом фиксации такого числа: не в виде редуцированных символов, а в зависимости от того, какое количество знаков определено после целой части; например, для числа пи в настоящее время речь идёт о десятках триллионов цифр после запятой)¹⁸. Однако не побрезгуем и проиллюстрируем первые 1000 знаков после запятой для иррационального и трансцендентного числа е, чтобы обострить **лингвистическую проблему словесного именован**ия такого огромного числового значения (хотя бы в качестве прецедента): 2,7182818284 5904523536 0287471352 6624977572 4709369995 9574966967 6277240766 3035354759 4571382178 5251664274 2746639193 2003059921 8174135966 2904357290 0334295260 5956307381 3232862794 3490763233 8298807531 9525101901 1573834187 9307021540 8914993488 4167509244 7614606680 8226480016 8477411853 7423454424 3710753907 7744992069 5517027618 3860626133 1384583000 7520449338 2656029760 6737113200 7093287091 2744374704 7230696977 2093101416 9283681902 5515108657 4637721112 5238978442 5056953696 7707854499 6996794686 4454905987 9316368892 3009879312 7736178215 4249992295 7635148220 8269895193 6680331825 2886939849 6465105820 9392398294 8879332036 2509443117 3012381970 6841614039 7019837679 3206832823 7646480429 5311802328 7825098194 5581530175 6717361332 0698112509 9618188159 3041690351 5988885193 4580727386 6738589422 8792284998 9208680582 5749279610 4841984443 6346324496 8487560233 6248270419 7862320900 2160990235 3043699418 4914631409 3431738143 6405462531 5209618369 0888707016 7683964243 7814059271 4563549061 3031072085 1038375051 0115747704 1718986106 8739696552 1267154688 9570350354.

¹⁸ Более подробно об этом см.: Нилогов А.С. Антиязыковая номинация больших чисел (В начале было Число, и Число было у Бога, и Число было Бог) // Филология: научные исследования. 2013. № 3. С. 266–274. (DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9645 (http://nbpublish.com/fmag/contents_2013_3.html))

Если для числа е можно в сокращённом виде сказать «две целых и приблизительно семь десятых», то каким образом будет выглядеть словесная запись в тысячу или миллион знаков после запятой? (Или, к примеру, «две целых и семьдесят одна сотая», «две целых и 718 (семьсот восемнадцать тысячных)», «...718 2 (семь тысяч сто восемьдесят две десятичных)», «...718 28 (семьдесят одна тысяча восемьсот двадцать восемь стотысячных)», «...718 281 (семьсот восемнадцать тысяч двести восемьдесят одна миллионная)», <...>, «...718 281 828 459 045 235 360 287 471 352 662 497 757 247 (*семьсот восемнадцать ундециллионов двести восемьдесят один дециллион восемьсот двадцать восемь нониллионов четыреста пятьдесят девять октиллионов сорок пять септиллионов двести тридцать пять секстиллионов триста шестьдесят квинтиллионов двести восемьдесят семь квадриллионов четыреста семьдесят один триллион триста пятьдесят два миллиарда шестьсот шестьдесят два миллиона четыреста девяносто семь тысяч семьсот пятьдесят семь дуодециллионных?)

Второй пример трактовки антислова связан с определением статуса всех реконструированных слов – так называемых праформ (этимонов) для современных слов. Они составляют такой класс антислов, как **праформологизмы** (или **этимологизмы**, или **этимологизмы**). В данном случае речь идёт об определении онтологического статуса словарно зафиксированных этимологических реконструкций. Для конкретизации примеров воспользуемся одним из этимологических словарей русского языка, а именно: «Историко-этимологическим словарём современного русского языка» П.Я. Черныха:

«**БАБОЧКА** <...> Обычно слова *бабочка* производят от *бабка* (<**бабъка*) или прямо от *баба* (см.). <...>¹⁹. В данном примере в статусе антислова выступает праформологизм – **бабъка*.

«**ЖИВОТ** <...> О.-с. [*общеславянская форма*]. – *Прим. А.Н.*]²⁰ **životъ* <...>²¹. В данном примере в статусе антислова выступает праформологизм – **životъ*.

¹⁹ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., стереотип. М., 1999. С. 62.

²⁰ Ср. уточнение Ж.Ж. Варбот: «К сожалению, досадным архаизмом представляется принятое в словаре употребление термина общеславянский как определения праславянских (восходящих к праславянскому языку – общему предку всех славянских языков) слов, основ или корней». (Там же. С. 6.)

²¹ Там же. С. 302.

«**МИСКА** <...> О.-с. *misa, восходящее к нар.-латин. mēsa < mēnsa <...>»²². В данном примере в статусе антислова выступает праформологизм – *misa.

С точки зрения этимологической методологии любая реконструкция этимона – гипотетична, то есть недостоверна. Следовательно, онтологический статус подобных праформ весьма условен, но научно мотивирован с позиции традиции сравнительно-исторического языкознания²³. Прочитываем автора данного этимологического словаря П.Я. Черных: «Поставив себе задачей достижение максимальной убедительности того или иного объяснения, этимолог, по большей части, всё же вынужден работать не столько в области достоверного, сколько гипотетического. Конечно, элемент гипотетичности в языкознании, в истории человеческой речи, не является достоянием только этимологических разысканий. В большей или меньшей мере он имеется во всех сравнительно-исторических построениях, если речь идёт о дописьменном периоде. Но историку языка – этимологу приходится пользоваться гипотезой и оперировать словесными формами (разумеется, особо оговорёнными), придуманными ad hoc, возможными, допустимыми, но не засвидетельствованными ни в письменных памятниках, ни в живой речи, гораздо чаще, чем, скажем, историку языка – фонетисту, который ведь тоже не чуждается таких построений: ср., напр., предположение Фортунатова о наличии носового ё (ѣ) в общеславянском праязыке. Это предположение понадобилось основоположнику Московской школы лингвистов для того,

чтобы объяснить южнославянское ѣ в тех случаях, когда в других славянских языках имеется ё (ѣ); <...>. Элемент гипотетичности в этимологических разысканиях объясняется самим характером материала, с которым приходится иметь дело этимологу: отдельно существующих слов много, гораздо больше, чем типовых звуков или типовых грамматических форм и грамматических категорий.

В общем можно сказать, что достоверность любой этимологии, удовлетворяющей даже самым строгим научным требованиям, поскольку она имеет отношение к доисторическому периоду развития того или иного языка, не может быть больше достоверности археологического объяснения, когда оно опирается на показания памятников материальной культуры, или объяснения палеонтологического. Как говорит Г. Шухардт, «ни в области фонетики, ни в области семантики мы не можем рассчитывать на математически точные результаты; на всех наших этимологических операциях лежит печать вероятности»²⁴ (разрядка П.Я. Черных)²⁵.

Третью версию понимания антисловного статуса рассмотрим на примере такого класса, как **генеалогизмы**.

С точки зрения антиязыковой методологии, генеалогические исследования представляют собой интересный лингвистический материал. Речь идёт о проблеме достоверного определения родственных связей, а именно: о корректном установлении имён собственных, документальное подтверждение которых часто осложнено плохой сохранностью первоисточников или их полным отсутствием. Начнём с такого примера, как наличие явных прямых предков, живущих в конкретном населённом пункте, в отношении которых невозможно определить точную родственную связь. Это связано с несохранившимися документами, удостоверяющими такую связь, как-то: наличие записей о бракосочетании, в которых указаны девичьи фамилии прямых предков по женским линиям (например, метрические записи и ревизские сказки периода 3–5 ревизий: приблизительно 1762, 1782, 1795 годов). Вероятно, что документально искомые предки зафиксированы в различных первоисточниках, но из-за описанной проблемы они не могут быть в точности названы прямыми пред-

²² Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., стереотип. М., 1999. С. 534.

²³ Ср.: Ж.Ж. Варбот: «Совокупность сведений, доступных исследователю при этимологизации какого-либо слова, даже в принципе не может быть исчерпывающей, поскольку не сохраняется свидетельств о точном времени появления слов (редкими исключениями являются некоторые слова, созданные известными общественными деятелями, писателями и т.п. в относительно недавнее время), равно как не фиксируются все этапы их изменений. Поэтому этимологическое решение в значительной степени основывается на научном восстановлении, реконструкции изменений, пережитых словом, и почти всегда представляет собою гипотезу. Следствием этого является множественность этимологических толкований одного слова, не только сменяющих друг друга, но и нередко допускаемых специалистами одновременно на определённом этапе развития науки. При этой специфике этимология как наука оправдывает своё назначение и развивается благодаря строгому следованию сравнительно-историческому методу, совершенствованию его приёмов, расширению привлекаемой информации. Поэтому этимологические решения, даже гипотетические, имеют научную и общественную значимость». (Там же. С. 4.)

²⁴ Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / Пер. с нем. А.С. Бобовича; Ред. предисл. и примеч. проф. Р.А. Будагова. М., 1950. С. 214.

²⁵ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., стереотип. М., 1999. С. 17–18.

ками, оставаясь таковыми фактически. Их имена собственные составляют один из классов антислов, который назовём **генеалогизмами**. Уточним, что речь идёт о документально зафиксированных людях и их именах (в полном варианте – ФИО), но связь с которыми затруднительна в силу нехватки прямых или косвенных документальных доказательств. По сути, имена ваших прямых предков сохранились в документах, но вы не можете подтвердить принадлежность к ним. Причём среди таких генеалогизмов могут быть разного типа антислова (например: полные генеалогизмы, включающие фамилию, имя и отчество вашего предка (Иван Петрович Смирнов), частичные генеалогизмы, включающие или фамилию и имя (Иван Смирнов), или имя и отчество (Иван Петрович), или фамилию и отчество (Петрович Смирнов), или имя (Иван)).

Также стоит отметить и такие генеалогизмы, которые относятся к гипотетическому установлению родства в случае частичного отсутствия имён предков, не сохранившихся в период документальной фиксации – например, для XVII в. (писцовая книга). Если ваши корни прослежены до начала XVIII в., то есть смысл проследить их чуть глубже – во вторую половину XVII в., учитывая тот факт, что у ваших потенциальных предков, живших в то время, уже имелись и имена, и отчества, а главное – фамилии. Допустим, что вам удалось установить вашего дальнего предка Ивана (имя) Варфоломеева (фамилия), жившего в начале XVIII в. Естественно, что ваша документально удостоверенная родословная не может быть ограничена только началом XVIII в., ведь и в XVII в. жили предки Ивана Варфоломеева. Можно зафиксировать предка в форме отчества (для прозрачных фамилий, образованных от имён, отчеств, дедичеств и прадедичеств) «Варфоломеев сын» («Варфоломеевич») и в форме имени «Варфоломей». Онтолого-лингвистический статус данных форм, документально нигде не отмеченных, тем не менее, возможен как антисловный (**гипотетические генеалогизмы** как подкласс антислов).

Помимо собственно антиязыковых примеров генеалогизмов можно отметить такие их разновидности, которые обозначают вариативные имена собственные: имена, отчества и фамилии (по отдельности или все вместе). В силу разночтения первоисточников могут быть восстановлены предки с разными именами собственными, среди которых трудно отдать предпочтение тому или другому. Описки и ошибки в документообороте – осязаемый фактор в образовании имён собственных.

Одной из особенностей имён собственных, а, следовательно, и генеалогизмов, является то, что

данные языковые единицы встречаются в документах малократно, а при утрате последних – вообще потеряны для языка. Но только не для антиязыка. Имена собственные, зафиксированные в документах единожды, представляют собой разновидность гапаксов (единожды документально употреблённые имена собственные), а при уничтожении документальных носителей – разновидностью **гапаксологизмов**. Реконструированные формы имён собственных для родословного поиска в качестве генеалогизмов могут быть также отнесены к классу **праформологизмов (этимологизмов)** – реконструированных праформ слов (этимонов).

В качестве генеалогизмов могут выступать ошибочно установленные имена собственные предков (или других родственников), что объясняется нехваткой необходимых (прямых или косвенных) документов, а также неправильной интерпретацией родственных связей²⁶. Некорректное родство может быть обусловлено описками и ошибками в первоисточниках, на основании которых выводятся те или иные родственные связи. И тогда такие имена собственные предков получают негативный статус генеалогизмов как антислов. Ни один генеалог не застрахован от неверно установленных фактов, тем более что сохранность первоисточников бывает очень плохой. Если, например, архивное дело не подлежит реставрации, а в нём могут содержаться важные родословные сведения, то таковые имена собственные предков, не подлежащие физическому восстановлению, вынужденно представляют собой антислова. Такие генеалогизмы как косвенные антислова находятся в подвешенном состоянии – оставаясь в качестве и обычных имён собственных (соответствующие языковые единицы), и необычных имён собственных (соответствующие антиязыковые единицы). А если учесть, что такие неустраиваемые ни языком, ни антиязыком генеалогизмы гипотетически могут быть неправильно распределены среди родословных линий, то в таком случае следовало бы говорить о двойной негативности («псевдости») генеалогизмов как антислов (**квазигенеалогизмы**).

Любое генеалогическое изыскание напоминает детективное расследование, в рамках которого используются различного рода улики. Конечно,

²⁶ См., например: Шумков А.А. Псевдогенеалогические проблемы идентификации однофамильцев (доклад) // Третьи Петербургские генеалогические чтения «Однофамильные роды» (11 ноября 1999 г., Санкт-Петербург); Елькин М.Ю. Проблемы, возникающие при составлении родословий однофамильцев // Материалы Третьей Уральской родоведческой научно-практической конференции (14–15 ноября 2003 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2007. С. 19–22.

самыми вескими уликами являются имена собственные наших предков, в открытии которых мы нередко пользуемся интуитивными и вспомогательными средствами удостоверения. В результате использования таких рассудочных приёмов устанавливаются имена собственные, чья достоверность может оказаться весьма сомнительной (например, при установлении девичьей фамилии по имени, отчеству и дате рождения жены, когда фронтальному изучению подвергается целый церковный приход (а то и волость, и уезд, и губерния) для валидно-исчерпывающего анализа). Впрочем, степень достоверности тех или иных родословных данных остаётся на усмотрении у каждого родоведа, ведь после появления такой новой науки, как ДНК-генеалогия, документальная гарантия достоверности данных не лишена определённой доли критики. Антисловными именами собственными могут оказаться и вполне «документальные» сведения, не вызывающие никаких сомнений, но после проведения ДНК-анализа по установлению той или иной степени родства подвергающие критике подлинность ранее найденных фактов.

Антиязыковая методология, находясь на службе у генеалогии, конкретизирует известный в отечественной философии долг патрофикации, сформулированный русским мыслителем Н.Ф. Фёдоровым в его сборнике «Философия общего дела». Идея «патрофикации» (воскрешения отцов) означала для него буквальное воссоздание всех прежде живших поколений предков, то есть достижение всеобщего бессмертия. Воскрешение как «общее дело» есть нравственный долг живущих (сынов) перед умершими (отцами).

Четвёртый вариант трактовки антивербального статуса покажем на примере такого класса, как **потенциалологизмы (потенциалогизмы)**.

Потенциалологизмы – это такие антислова, которые представляют собой словоформы, ни разу не употреблённые, но предусмотренные или не предусмотренные словоизменительной парадигмой того или иного слова. Речь идёт о двух случаях – неполной и недостаточной парадигмах²⁷. Например, при отсутствии у имени существительного парадигмы множественного числа, как то: у существительного «интернет» – грамматической формы «*интернеты» (данный пример свидетельствует о том, что словоформа «*интернеты» уже перестала быть антисловом (потенциалологизмом), перейдя в или в статус обычного (но ещё ма-

лоупотребительного) слова или в такой антисловный класс, как **грамматологизмы**); или у глаголов формы первого лица в будущем времени, как то: у глагола «победить» – грамматической формы «*победю» (грамматологизм?). Естественно, что при назывании таких потенциалологизмов, то есть при их воязыквлении, они перестают быть потенциалологизмами, теряя антисловность и приобретая словность (слововость).

Проиллюстрируем процесс разантиязыковления (воязыквления) потенциалологизмов, воспользовавшись ранее актуализированной словоформой «*интернеты», а именно просклоняя эту словоформу множественного числа по падежам:

Им. п. *интернеты
Род. п. *интернетов
Дат. п. *интернетам
Вин. п. *интернеты
Твор. п. *интернетами
Пред. п. об *интернетах

Или такой пример (в скобках – для сравнения по аналогии со словом «события»):

Им. п. *бытия (события)
Род. п. *бытий (событий)
Дат. п. *бытиям (событиям)
Вин. п. *бытия (события)
Твор. п. *бытиями (событиями)
Пред. п. о *бытиях (о событиях)

И исчерпывающий пример:

Им. п. *небытия
Род. п. *небытий
Дат. п. *небытиям
Вин. п. *небытия
Твор. п. *небытиями
Пред. п. о *небытиях

Следовательно, антислова можно также определить как такие слова-несловоформы, которые существуют не в качестве эксплицитных дискретных единиц языка, а в качестве объединённых в пустое множество имплицитных дискретных единиц, являющееся названием для одного из классов антислов (например, совокупность потенциалологизмов (антислов) образует пустое множество слов языка, существующее до предъявления материализованного (**ословоформленного**) образца).

Кстати сказать, первый приведённый в статье пример нумерологизмов, вероятно, также можно

²⁷ Подробнее об этом см.: Панова Г.И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2010. 448 с. С. 33.

отнести в класс (как подкласс) потенциологизмов, однако он всё-таки выделен в особый класс антислов потому, что количество нумерологизмов бесконечно в числовом ряду.

Таким образом, на примере нескольких классов и подклассов антислов мы показали сигнификативную неадекватность современного русского языка (да и вообще любого другого естественного человеческого языка) для работы с выявленными референтами. В ходе философско-лингвистического исследования нами выявлено более 200 различных классов и подклассов антислов, которые не укладываются в традиционные научные подходы по их регистрации (каталогизации, систематизации, фактологизации) ни в рамках философии, ни в рамках языкознания. Постановка под вопрос онтологического статуса этих и многих других (анти)

языковых единиц со всей очевидностью приводит нас к обоснованию такого нового раздела философии (с соответствующей методологией), как **философия антиязыка**. Несмотря на существование близкой к философии антиязыка – философии языка, мы настоятельно считаем, что в рамках философии языка невозможно решить тот комплекс номинативно-сигнификативных проблем, который обнаружен нами при анализе как актуальных философских задач, так и насущных лингвистических затруднений.

В итоге философия антиязыка постулируется нами как раздел философии, предметом которого является изучение оснований и пределов семиотической номинации на естественном человеческом языке и зависимости познавательного процесса от антиязыка.

Список литературы:

1. Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Сёрл. Пер. с англ. М., 2004. 208 с.
2. Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и отв. ред.: В.С. Малахов, В.П. Филатов. М., 2000. 544 с. С. 446–447.
3. URL: <http://vslovare.ru/slovo/filosofija-jazyka>.
4. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Philosophy_of_language.
5. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/754957/philosophy-of-language>.
6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4 / Ин-т философии Российской академии наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет: В.С. Стёпин (пред. совета) и др. М., 2010. С. 238–240.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Яцева. 2-е изд. М., 1998. 686 с.
8. Декомб В. Современная французская философия: сборник / Пер. с фр. М., 2000. 344 с.
9. Гурко Е.Н. Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскриптум), Как избежать разговора: денегация. Минск, 2001. 320 с.
10. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В.В. Бибихина. М., 1993. 448 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков, 2003. 512 с.
12. Нилогов А.С. Антиязыковая номинация больших чисел (В начале было Число, и Число было у Бога, и Число было Бог) // Филология: научные исследования. 2013. № 3. С. 266–274. (DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9645. URL: http://nbpublish.com/fmag/contents_2013_3.html)
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., стереотип. М., 1999. 624 с.
14. Нилогов А.С. Философия антиязыка. СПб., 2013. 216 с.
15. Кутырёв В.А. О лингвистической контрреволюции, её причине и постчеловеческих перспективах (размышления над книгой А. Нилогова «Философия антиязыка». СПб.: Алетейя, 2013) // NB: Филологические исследования. 2013. № 3. С. 1–27. (DOI: 10.7256/2306-1596.2013.3.10077. URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_10077.html)
16. Кутырёв В.А., Нилогов А.С. Pro et contra инновационизма: за сохранение антропоморфной реализации возможных миров // Философия и культура. 2014. № 2. С. 180–189. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.10515)
17. Кутырёв В.А., Нилогов А.С. Об экспансии высоких (постчеловеческих) технологий, её перспективе, их творцах и жертвах // NB: Философские исследования. 2014. № 1. С. 164–202. (DOI: 10.7256/2306-0174.2014.1.10676. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_10676.html)

References (transliterated):

1. Filosofiya yazyka / Red.-sost. Dzh.R. Serl. Per. s angl. M., 2004. 208 s.
2. Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Slovar'. 2-e izd., pererab. i dop. / Sost. i otvet. red.: V.S. Malakhov, V.P. Filatov. M., 2000. 544 s. S. 446–447.
3. URL: <http://vslovare.ru/slovo/filosofija-jazyka>.
4. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Philosophy_of_language.
5. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/754957/philosophy-of-language>.
6. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 4 / In-t filosofii Rossiiskoi akad. nauk, Natsional'nyi obshchestvenno-nauchnyi fond; nauch.-red. sovet.: V.S. Stepin (pred. sojeta) i dr. M., 2010. S. 238–240.
7. Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. V.N. Yartseva. 2-e izd. M., 1998. 686 s.

8. Dekomb V. Sovremennaya frantsuzskaya filosofiya: sbornik / Per. s fr. M., 2000. 344 s.
9. Gurko E.N. Dekonstruksiya: teksty i interpretatsiya. Derrida Zh. Ostav' eto imya (Postskriptum), Kak izbezhat' razgovora: denegatsii. Minsk, 2001. 320 s.
10. Khaidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya / Sost., per. s nem. i komm. V.V. Bibikhina. M., 1993. 448 s.
11. Khaidegger M. Bytie i vremya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. Khar'kov, 2003. 512 s.
12. Nilogov A.S. Antiyazykovaya nominatsiya bol'shikh chisel (V nachale bylo Chislo, i Chislo bylo u Boga, i Chislo bylo Bog) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2013. № 3. S. 266–274. (DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9645. URL: http://nbpublish.com/fimag/contents_2013_3.html)
13. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. T. 1. 3-e izd., stereotip. M., 1999. 624 s.
14. Nilogov A.S. Filosofiya antiyazyka. SPb., 2013. 216 s.
15. Kutyrev V.A. O lingvisticheskoi kontrrevolyutsii, ee prichine i postchelovecheskikh perspektivakh (razmyshleniya nad knigoi A. Nilogova «Filosofiya antiyazyka». SPb.: Aleteiya, 2013) // NB: Filologicheskie issledovaniya. 2013. № 3. S. 1–27. (DOI: 10.7256/2306-1596.2013.3.10077. URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_10077.html)
16. Kutyrev V.A., Nilogov A.S. Pro et contra innovatsionizma: za sokhraneniye antropomorfnoi realizatsii vozmozhnykh mirov // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 2. С. 180–189. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.10515)
17. Kutyrev V.A., Nilogov A.S. Ob ekspansii vysokikh (postchelovecheskikh) tekhnologii, ee perspektive, ikh tvortsakh i zhertvakh // NB: Filosofskie issledovaniya. 2014. № 1. S. 164–202. (DOI: 10.7256/2306-0174.2014.1.10676. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_10676.html)